

Ольга
Седакова

---

*Китайское
путешествие*

*Стелы
и надписи*

*Старые
песни*

Ольга Седакова

Ольга
Седакова

---

*Китайское
путешествие*

*Стелы
и надписи*

*Старые
песни*

”Carte Blanche”
Литературное приложение
к журналу **”Зодиак”**

Китайское путешествие

Если притупить его пронизательность, освободить его от хаотичности, умерить его блеск, уподобить его пылинке, то оно будет казаться ясно существующим.

Лао - цзы.

I.

И меня удивило:

как спокойны воды,

как знакомо небо,

как медленно плывет джонка в каменных
берегах.

Родина! вскрикнуло сердце при виде ивы:

такие ивы в Китае,

смывающие свой овал с великой охотой,

ибо только наша щедрость

встртит нас за гробом.

Пруд говорит:

были бы у меня руки и голос,
как бы я любил тебя, как лелеял.

Люди, знаешь, жадны и всегда болеют
и рвут чужую одежду
себе на повязки.

Мне же ничего не нужно:
ведь нежность — это выздоровленье.
Положил бы я тебе руки на колени,
как комнатная зверушка,
и спускался сверху
голосом как небо.

Падая, не падают,
 окунаются в воду и не мокнут
                   длинные рукава деревьев.

Деревья мои старые —
 пагоды, дороги!
 Сколько раз мы виделись,
 а каждый раз, как первый,
 задыхается, бегом бежит сердце
 с совершенно пустой котомкой
 по стволу, по холмам и оврагам веток
 в длинные, в широкие глаза храмов,
 к зеркалу в алтаре,
 на зеленый пол.

Не довольно ли мы бродили,
 чтобы наконец свернуть
 на единственно милый
           никому не обидный
                   не видный
                           путь?

Шапка-невидимка,
 одежда божества, одежда из глаз,
 падая, не падает, окунается в воду и не
                                   мокнет.

Деревья, слово *люблю* только вам подходит.

Только увижу

путника в одежде светлой, белой —
что нам делать, куда деваться?

Только увижу

белую одежду, старые плечи —
лучше б глаза мои были камнем,
сердце — водою.

Только увижу

что бывает с человеком —
шла бы я за ним, плача:
сколько он идет, и я бы шла, шагала
таким же не спорящим шагом.

Лодка летит
по нижней влажной лазури,
небо быстро темнеет
и глазами другого сапфира глядит.
Знаешь что? мне никто никогда не верил
(как ребенок ребенку,
умирая от собственной смелости,
сообщает: да, а потом зарыли
под третьей сосной). Так и я скажу:
мне никто никогда не верил,
и ты не поверишь,
только никому не рассказывай,
пока лодка летит, солнце светит
и в сапфире играет
небесная радость.

Крыши, поднятые по краям,
как удивленные брови:
Что вы? неужели? рад сердечно!
Террасы, с которых вечно
видно все, что мило видеть человеку:
сухие берега, серебряные желтоватые
реки,
кустов неровное письмо — любовная записка,
двое прохожих низко
кланяются друг другу на понтонном мосту
и ласточка на чайной ложке
подносит высоту:
сердечные капли, целебный настой.
Впрочем, в Китае никто не болеет:
небо умеет
вовремя ударить
длинной иглой.

Несчастен,

кто беседует с гостем и думает о завтрашнем
деле;

несчастен,

кто делает дело и думает, что он его делает,
а не воздух и луч им водят,

как кисточкой, бабочкой, пчелой;

кто берет аккорд и думает,

каким будет второй, —

несчастен боязливый и скупой.

И еще несчастней,

кто не прощает:

он, безумный, не знает,

как аист ручной из кустов выступает,

как шар золотой

сам собой взлетает

в милое небо над милой землей.

Велик рисовальщик, не знающий долга
кроме долга играющей кисти:
и кисть его проникает в сердце гор,
проникает в счастье листьев,
одним ударом, одною кротостью,
восхищеньем, смущеньем одним
он проникает в само бессмертье
и бессмертье играет с ним.

Но тот, кого покидает дух, от кого
отводят луч,
кто десятый раз на мутном месте
ищет чистый ключ
кто выпал из руки чудес, но не скажет:
пусты чудеса! —
перед ним с почтением
склоняются небеса.

С нежностью и глубиной —
ибо только нежность глубока,
только глубина обладает нежностью —
в тысяче лиц я узнаю,
кто ее видел, на кого поглядела
из каменных вещей, как из стеклянных
нежная глубина и глубокая нежность.

Так зажигайся,
теплый светильник запада,
фонарь, капкан мотыльков.
Поговори еще
с нашим светом домашним,
солнце нежности и глубины,
солнце, покидающее землю
первое, последнее солнце.

Может, ты перстень духа,
камень голубой воды,
голос, говорящий глухо
про ступенчатые сады, —
но что же с плачем мчится
крылатая колесница,
ветер, песок, побережье,
океан пустой —
и нельзя проститься,
негде проститься с тобой.
О, человек простой —
как соль в воде морской:
не речь, не лицо, не слово,
только соль, и йод, и прибой —
не имея к кому обратиться,
причитает сам с собой:
может, ты перстень духа,
камень голубой воды,
голос, говорящий глухо
про несбываемые сады.

Неужели и мы, как все,
 как все,
 расстанемся?

Знающие кое-что
 о страсти быстрее конца,
 знающие кое-что
 о мире меньше гроша —
 пусть берут, кому нужен, —
 знающие, что эта раковина — без жемчужин,
 что нет ни единой спички, свечки, плошки,
 кроме огня восхищенья
 знающие, откуда приходят
 звучанье и свеченье —
 неужели мы расстанемся, как простые невежды?

Не меньше, чем ивы вырастать у воды,
 не меньше, чем воды
 следовать за магнитом звезды,
 чем пьяный Ли Бо заглядывать
 в желтос, как луна, вино
 и чем камень опускаться на дно,
 любящие быть вместе —
 неужели мы расстанемся, как простые скупцы
 и грубияны?

Флейте отвечает флейта,
не костяная, не деревянная,
а та, которую держат горы
в своих пещерах и щелях,
струнам отвечают такие же струны
и слову слово отвечает.

И вечерней звезде, быстро восходящей,
отвечает просьба моего сердца:

ты выведешь тысячи звезд
вечерняя звезда,
и тысячами просьб
зажжется мое сердце,
мирадами просьб об одном и том же:
просыпайся,
погляди на меня, друг мой вдохновенный,
посмотри, как ночь сверкает...

По белому пути, по холодному звездному облаку,
 говорят, они ушли и мы уйдем когда-то:
 с камня на камень перебрывая воду,
 с планеты на планету перебрывая разлуку,
 как поющий голос с ноты на ноту.
 Там все, говорят, и встретятся, убеленные
 млечной дорогой.

Сколько раз — покаюсь — к запрещенному порогу
 подходило сердце, сколько стучало,
 обещая неведомо кому:
 никто меня не ищет, никто не огорчится,
 не попросит: останься со мною!..
 О, не от горя земного так чудно за дверью
 земною.

А потому что не хочется, не хочется своего
 согрешенья,
 потому что пора идти
 просить за все прощенья,
 ведь никто не проживет
 без этого хлеба сиянья.
 Пора идти туда,
 где все из состраданья.

Ты знаешь, я так тебя люблю,
    что если час придет
и поведет меня от тебя,
    то он не уведет —
как будто можно забыть огонь?
    как будто можно забыть
о том, что счастье хочет быть
    и горе хочет не быть?
Ты, знаешь, я так люблю тебя,
    что от этого не отличу
вдох ветра, шум веток, жизнь дождя,
    путь, похожий на свечу,
и что бормочет мрак чужой,
    что ум, как спичка зажгло,
и даже бабочки сухой
    несчастный стук в стекло.

Когда мы решаемся ступить,
         не зная, что нас ждет,
 на вдохновенья пустой корабль,
         на плохо связанный плот,
 на чешуйчатое крыло, на лодку без гребцов,
 воображая и самый лучший
         и худший из концов
 и ничего не ища внутри:
         там всему взамен
 выбрасывают гадальные кости на книгу перемен.
 Кто выдумал пустыню воды? кто открыл,
         что вверху война?
 кто велел выращивать сады
         из огненного зерна?
 как соловей — лучше умрет,
         чем не споет, что поет,
 чем не напишет на шелке времен,
         что не может целый народ.
 Когда ты свещень в свой свисток,
         вдохновенье, когда
 между сушей и нашей душой растет
         твоя вода, —
 если бы знал он, смертный вихрь,
         и ты, пустая гладь,
 как я хочу прощенья просить и ноги целовать.

Похвалим нашу землю,
похвалим луну на воде,
то, что ни с кем и со всеми,
что нигде и везде —
величиной с око ласточки,
с крошку сухого хлеба,
с лестницу на крыльях бабочки,
с лестницу, кинутую с неба.
Не только беда и жалость —
сердцу моему узда,
но то, что улыбалась
чудесная вода.
Похвалим веток бесценных, темных
купанье в живом стекле
и духов всех, бессонных
над каждым зерном в земле
И то, что есть награда,
что есть преграда для зла,
что, как садовник у сада, —
у земли хвала.

1980. Азаровка.

Стелы и надписи

---

*Нине Брагинской, проникновенно
изучившей этот предмет.*

Мальчик, старик и собака

Мальчик, старик и собака. Может быть, это надгробье женщины или старухи.

Откуда нам знать,
кем человек отразится, глядя в глубокую воду,
гладкую, как алебастр?

Может, и так:
мальчик, собака, старик.

Мальчик особенно грустен.

— Я провинился, отец, но уже никогда не исправлюсь.

— Что же, — старик говорит, — я прощаю, но ты не
услышишь.

Здесь хорошо. — Здесь хорошо? — Здесь хорошо. —
в коридорах

эхо является. — Вот, ты звал, я пришел.

Здравствуй, отец, у нас перестроили спальни.

Мама скучает. — Сын мой, поздний, единственный, слушай,
я говорю на прощанье: всегда соблюдай благородство,
это лучшее дело живущих...

— Мама велела сказать...

— Будешь ты счастлив.

— Когда?

— Всегда.

— Это горько.

— Что поделаешь,

так нам положено.

Молча собака глядит
на беседу: глаза этой белой воды,
этой картины —
"мальчик, собака, старик".

Женская фигура

Отвернувшись,
в широком большом покрывале
стоит она. Кажется, тополь
рядом с ней.
Это кажется. Тополя нет.
Да она бы сама охотно в него превратилась
по примеру преданья —
лишь бы не слушать:
— Что ты там видишь?
— Что я вижу, безумные люди?
Я вижу открытое море. Легко догадаться.
Море — и все. Или этого мало,
чтобы мне вечно скорбеть, а вам — досаждать
любопытством?

Две фигуры

Брат и сестра? муж и жена? дочь и отец? все это
и больше?

Кто из них умер, кто жив

и эту плиту заказал,
памятник встречи?

Кто и кого на прощанье
хочет запомнить? не робко, не жадно. Запомнить
нужно немного, многого мы не выносим:
горсть родимой земли на чужбине — больше не нужно.
Остальное останется там, где ему хорошо.

Взгляд внимательный, смерть, ты не отнимешь —
законную горсть

у того, кто уходит, о нас печалясь. Кто же уходит?
кто, соскучившись в долгой разлуке, к милой руке
наконец прикасается? —

тень к тени, былое к былому,
белое к белому. Что они там говорят?
Говорят: — Это так. — Я клянусь, это так.

— Так оно было и будет,
даже если не будет. Так.

Прохожий, люби свою жизнь,
благодари за нее. Тени мало что надо:
памятник встречи.

Госпожа и служанка

Женщина в зеркало смотрит: что она видит — не видно; вряд ли там что-нибудь есть. Впрочем, зачем же тогда любоваться одним и гадать, как поправить другое той или этой уловкой? зачем себя изучать? Видно, что-то там есть. Что-то требует ласковой мази, бус и подвесок. Молча служанка стоит в ожидании просьбы, которой она не исполнит. Да, мы друг друга ни разу не поняли. Это понятно. Это было нетрудно. Труднее другое: мы знали все о каждом. Все, до конца, до последней нежной его бесконечности. Не желая, не думая — знали. Не слушая, знали и обсуждали в уме его просьбу, с которой он к нам не успел обратиться и даже подумать. Еще бы. Просьба одна у нас всех; ничего-то и нет кроме этой просьбы.

Кувшин. Надгробье друга

Хочешь — кувшин, хочешь — копье, хочешь — прялку.

Если лгали про локон, как он на небе нашелся, —
лгали не даром.

Ум печальный отыщет в мельчайшей вещице
вещество, из которого сложены наши созвездья,
звуки беззвучных имен, —

она загорится, совется,

как гирлянда в гирляндах, ласкающих смертное сердце:
каждый вечер Персей Андромеду спасает — и каждый
знает, какая звезда спасает его, подхватив
того, кто больше не с нами. Что хочешь ему — то отдай.

Хочешь — кувшин, хочешь — копье, хочешь — прялку.

Что подвернется, он больше не просит. И это сумеет
стать как всё: нужно только за всё не цепляться,
положить эти медные деньги. Он сам разберется,
руку поднимет, какой мы здесь не видали,
руку созвездья. Возьми, перевозчик, ты видишь,
как мы живем на земле:

Прялка, Плуг. Копье. Кувшин.

Играющий ребенок

И в предчувствии мы проживаем
то, чего жить не придется. Великую славу.
Брачную ночь. Премудрую, бодрую старость.
Внуков — детей того сына, которого нет.
Нет, не пустая мечта человеческим сердцем играет.
Знает ребенок, зачем он так странно утешен.
Чем он играет.
Мы не видим лица. Мы глядим на него, как из двери
мать поглядела — и тут же спокойно уходит:
он играет. Белый луч на полу.

— Он еще поиграет,
я успею доделать, что нужно.

Время не ждет, он играет.

Перед самым несчастьем предчувствие нас покидает:
это уже не снаружи, это мы сами. Прекрасно
в этой неслышимой музыке, в комнате белой.
Так он в сердце играет,
ребенок, играющий в шашки.

Надпись

Нина, во сне ли, в уме ли, какой-то старинной дорогой
шли мы однажды, как мне показалось, вдоль многих
белых, сглаженных плит.

— Не Аппиева, так другая, —
ты мне сказала. — это не важно. У их городов
мало ли было дорог,
которые к гробу от гроба
переходили. — Здравствуй! — слышали мы, —
здравствуй! (мы знаем, это любимое слово прощанья).
Здравствуй! как ясно ты смотришь на милую землю.
Остановись: я гляжу глазами огромней земли.
Только отсутствие смотрит. Только невидимый видит.
Так скорее иди: я обгоняю тебя.

1982. Азаровка.

Старые песни

Первая
тетрадь

Что белеется на горе зеленой?

А.С.П.

1. Обида

Что же ты, злая обида, —
я усну, а ты не засыпаешь,
я проснусь — а ты давно проснулась
и смотришь на меня, как гадалка.

Или скажешь, кто меня обидел?
Нет таких, над всеми Бог единый.
Кому нужно — дает Он волю,
у кого не нужно — отбирает.

Или жизнь меня не полюбила?
Ах, неправда, любит и жалеет,
бережет в потаенном месте
и достанет, только пожелает,
поглядит, как никто не умеет.

Что же ты, злая обида,
сидишь предо мной, как гадалка?

Или скажешь, что живу я плохо,
обижаю больных и несчастных...

2. Конь

Едет путник по темной дороге,
не торопится, едет и едет.

— Спрашивай, конь, меня, что хочешь,
все спроси — я все тебе отвечу.

Люди меня слушать не будут,
Бог и без рассказов знает.

Странное, странное дело,
почему огонь горит на свете,
почему мы полночи боимся,
и бывает ли кто счастливым?

Я скажу, а ты не поверишь,
как люблю я ночь и дорогу,
как люблю я, что меня прогнали,
и что завтра опять прогонят.

Подойди, милосердное время,
выпей моей юности похмелье,
вытяни молодости жало
из недавней горячей ранки —
и я буду умней, чем другие!

Конь не говорит, а отвечает,
тянется долгая дорога,
и никто не бывает счастливым,
но несчастных тоже немного.

3. Судьба

Кто же знает — что ему судили?
кто и угадает — не заметит.

Может, и ты меня вспомнишь,
когда я про тебя забуду.

И тогда я войду неслышно,
как к живым приходят неживые,
и скажу, что кое-что знаю,
чего ты никогда не узнаешь.

А потом поцелую руку,
как холопы господам целуют.

4. Детство

Помню я раннее детство
и сон в золотой постели.

Кажется или правда? —
кто-то меня увидел,
быстро вошел из сада
и стоит, улыбаясь.

— Мир, — говорит, — пустыня.
Сердце человека — камень.
Любят люди, чего не знают.
Ты не забудь меня, Ольга,
а я никого не забуду.

5. Грех

Можно обмануть высокое небо —
высокое небо всего не увидит.

Можно обмануть глубокую землю —
глубокая земля спит и не слышит.

Ясновидцев, гадателей и гадалок —
а себя самого не обманешь.

Ох, не любят грешного человека
зеркала, и стекла, и вода лесная:
там чужая кровь то бежит, как ветер,
то свернется, как змея больная:

— Завтра мы встанем пораньше
и пойдем к знаменитой гадалке,
дадим ей за работу денег,
чтобы она сказала,
что ничего не видит.

Человек он злой и недобрый,
скверный человек и несчастный,
и кажется, мне его жалко,
а сама я еще недобрее.

И когда мы с ним говорили,
давно и не помню сколько,
ночь была и дождь не кончался,
будто бы что задумал,
будто кто-то спускался
и шел в слезах, и сам, как слезы —

не о себе, не о небе,
не о лестнице длинной,
не о том, что было,
не о том, что будет, —

ничего не будет,
ничего не бывает.

7. Утешенье

Не гадай о собственной смерти
и не радуйся, что все пропало,
не задумывай, как тебя оплачут,
как замучит их поздняя жалость.

Это все плохое утешенье,
для земли обидная забава.

Лучше скажи и подумай:
что белеет на горе зеленой?

На горе зеленой сады играют
и до самой воды доходят,
как ягнята с золотыми бубенцами —
белые ягнята на горе зеленой.
А смерть придет, никого не спросит.

8. Спор

Разве мало я живу на свете?
Страшно и выговорить, сколько.
А все себя сердце не любит,
ходит, как пленник по темнице —
а в окне чего только не видно.

Вот одна старуха говорила:
— Хорошо, тепло в Божьем мире.
Как горошины в гороховых лопатках,
лежим мы в ладони Господней.
И кого ты просишь — не вернется,
и чего не задумай — не исполнишь,
а порадуется этому сердце,
будто птице в узорную клетку
бросили сладкие зерна —
тоже ведь подарок не напрасный.

Я кивнула, а в уме сказала:
помолчи ты, глупая старуха.
Все бывает, и больше бывает.

9. Просьба

Бедные, бедные люди.

И не злы они, а торопливы:
хлеб едят — и больше голодают,
пьют — и от вина трезвеют.

Если бы меня спросили,
я бы сказала: Боже,
сделай меня чем-нибудь новым.

Я люблю великое чудо
и не люблю несчастья.
Сделай, как камень отграненный,
и потеряй из перстня
на песке пустыни.

Чтобы лежал он тихо,
не внутри, не снаружи,
а повсюду, как тайна.
И никто бы его не видел,
только свет внутри и свет снаружи.

А свет играет, как дети,
малые дети и ручные звери.

10. Слово

И кто любит, того полюбят,
кто служит, тому послужат
не теперь, так когда-нибудь после.
Но лучше тому, кто благодарен,
кто пойдет, послужив, без Рахили,
веселый, по горам зеленым.

Ты же, слово, царская одежда,
долгого, короткого терпенья платье,
выше неба, веселее солнца.

Наши глаза не увидят
цвета твоего родного,
шума складок твоих широких
не услышат уши человека.

Только сердце само себе скажет:
— Вы свободны, и будете свободны,
и перед рабами не в ответе.

1980

Старые песни

Вторая
тетрадь

Посвящается бабушке

1. Смелость

И МИЛОСТЬ

Солнце светит на правых и неправых,
и земля нигде себя не хуже:
хочешь, иди на восток, на запад
или куда тебе скажут,
хочешь — дома оставайся.

Смелость правит кораблями
на океане великом.
Милость качает разум,
как глубокую дряхлую люльку.

Кто знает смелость, знает и милость,
потому что они — как сестры:
смелость легче всего на свете,
легче всех дел — милосердые.

2. Походная песня

Во Францию два гренадера из русского плена
брели.

В пыли их походное платье и Франция тоже
в пыли.

Не правда ли, странное дело? вдруг жизнь
оседает, как прах,

как снег на смоленских дорогах,
как песок в аравийских степях,

и видно далёко, далёко, и небо виднее всего.

— Чего же Ты, Господи, хочешь,
чего ждешь от раба Твоего?

Над всем, чего мы захотели, гуляет какая-то
плеть.

Глаза бы мои не глядели. Да велено, видно,
глядеть, —

и ладно. Чего не бывает над смирной и
грубой землей?

В какой высоте не играет кометы огонь роковой?

Вставай же, товарищ убогий! солдатам
валяться не след.

Мы выпьем за верность до гроба:
за гробом неверности нет.

3. Неверная жена

С того дня, как ты домой вернулся
и на меня не смотришь,
все во мне переменялось.

Как та вон больная собака
третий день лежит, издыхает,
так и душа моя ноет.

Грешному весь мир — заступник,
а невинному — только чудо.
Пусть мне чудо и будет свидетель,
Покажи ему, Боже, правду,
покажи мое оправданье! —

тут собака, бедное создание,
быстро головой тряхнула,
весело к ней подбежала,
ласково лизнула руку —
и упала мертвая на землю.

Знает Бог о человеке,
чего человек не знает.

4. Уверение

Хоть и все над тобой посмеются,
и будешь ты лежать, как Лазарь,
лежать и молчать перед небом —
и тогда ты Лазарем не будешь.

Ах, хорошо сравняться
с черной землей садовой,
с пестрой придорожной пылью,

с криком малого ребенка,
которого в поле забыли... —

а другого у тебя не просят.

5. Колыбельная

На горе, в урочище словом,
на тонкой высокой макушке
подвязана колыбелка.

Ветер ее качает.

Вместе с колыбелкой — клетку,
с клеткой — дуплистую елку.

В клетке разумная птица
свистит и горит, как свечка.

— Спи, — говорит, — голубчик,
кем захочешь, тем и проснешься:
хочешь, бедным, хочешь, богатым,
хочешь, морской волной,
хочешь — ангелом Господним.

6. Возвращение

(стих об Алексее)

Хорошо куда-нибудь вернуться:
в город, где все по-другому;
в сад, где иные деревья
давно срубили, остальные
скрипят, а раньше не скрипели,
в дом, где по тебе горюют.

Вернуться и не назваться,
так и молчать до смерти.
Пусть они себе гадают,
расспрашивают приезжих,
понимают — и не понимают.

А вещи кругом сияют,
как далекие мелкие звезды.

7. Желание

Мало ли что мне казалось:
что если кого на свете хвалят,
то меня должны хвалить стократно,
а за что — пускай сами знают;

что нет такой злой минуты,
и такой забытой деревни,
и твари такой негодной,
что над нею дух не заиграет,
как чудесная дудка над кладом;

что нет среди смертей такой смерти,
чтобы силы у нее достало
против жизни моей терпеливой,
как полынь и сорные травы —

мало ли что казалось
и что покажется дальше.

8. Зеркало

Милый мой, сама не знаю:
к чему такое бывает? —

зеркальце вьется рядом,
величиной с чечевицу
или как зерно просяное.

А что в нем горит и мнится,
смотрит, видится, сгорает —
лучше совсем не видеть:

жизнь ведь — небольшая вещица,
вся, бывает, соберется
на мизинце, на конце ресницы —
а смерть кругом нее, как море.

9. Видение

На тебя смотрю — и не тебя я вижу:
старого отца в чужой одежде.
Будто идти он не может,
а его все гонят и гонят.

Господи, думаю, Боже,
или умру я скоро? —
что это каждого жалко?

зверей — за то, что они звери,
и воду — за то, что льется,
и злого — за его несчастье,
и себя — за свое безумье.

10. Дом

Будем жить мы долго, так долго,
как живут у воды деревья,
как вода им корни умывает
и земля с ними к небу выходит,
Елизавета к Марии.

Будем жить мы долго, долго.
Выстроим два высоких дома:
тот из золота, этот из мрака,
и оба шумят, как море.

Будут думать, что нас уже нет...
Тут-то мы им и скажем:

По воде невидимой и быстрой
уплывает сердце человека,
там летает ветхое время,
как голубь из Ноева века.

11. Сон

Снится блудному сыну,
снится на смертном ложе,
как он уезжает из дома.

На нем веселое платье,
на руке — прадедовский перстень,
лошадь ему брат выводит.

Хорошо бывает рано утром:
за спиной гудят рожки и струны,
впереди еще лучше играют.

А собаки, слуги и служанки
у ворот собрались и смотрят,
желают счастливой дороги.

12. Заключение

В каждой печальной вещи
есть перстень или записка,
как в условленных дуплах.

В каждом слове есть дорога,
путь унылый и страстный.

А тот, кто сказал, что может, —
слезы его не об этом,
и надежда у него другая.

Кто не знал ее — не узнает.
Кто знает — снова удивится,
снова в уме улыбнется
и похвалит милосердного Бога.

Стихотворения из
второй тетради,
не нашедшие в ней
себе места

Пир

Кто умеет читать по звездам
или раскладывать камни,
песок варить и иголки,
чтобы узнать, что будет
из того, что бывает, —
тот еще знает немного.

Жизнь — как вино молодое.
Сколько его ни выпей,
ума оно не отнимет
и языка не развяжет.
Лучше не добивайся.

А как огни потушат
и все по домам разойдутся
или за столом задремлют —
то-то страшно будет подумать,
где ты был и по какому делу,
с кем и о чем совещался.

Другая колыбельная

Спи, голубчик, не то тебя бросят,
бросят и глядеть не будут,
как жница оставила сына
на краю ячменного поля.
Сама жнет и слезы утирает.

- Мама, мама, кто ко мне подходит,
кто это встал надо мною?
То стоят три чудные старухи,
то три седые волчицы.
Качают они, утешают,
нажуют они мелкого маку.
Маку ребенок не хочет,
плачет, а никто не слышит.

Старушки

Как старый терпеливый художник,
я люблю разглядывать лица
набожных и злых старушек:
смертные их губы
и бессмертную силу,
которая им губы сжала,

(будто сидит там ангел,
столбцами складывает деньги:
пятаки и легкие копейки...
Кыш! — говорит он детям,
птицам и попрошайкам —
кыш, говорит, отойдите:
не видите, чем я занят?) —

гляжу — и в уме рисую:
как себя перед зеркалом темным.

Бусы

Лазурный бабушкин перстень,
прадедовы книги —
это я отдам, быть может.
А стеклянные бусы
что-то мне слишком жалко.

Пестрые они, простые,
как сад и в саду павлины,
а их сердце из звезд и чешуек.

Или озеро, а в озере рыбы:
то черный вынырнет, то алый,
то кроткий, кроткий зеленый —
никогда он уже не вернется,
и зачем ему возвращаться?

Не люблю я бедных и богатых,
ни эту страну, ни другие,
ни время дня, ни время года —
а люблю, что мнится и винится:
таинственное веселье.
Ни цены ему нет, ни смысла.

Путешествие

Когда кончится это несчастье

или счастье это отвернется,
отойдет, как высокие волны,

я пойду по знакомой дороге,
наконец-то, куда мне велели.

Буду тогда слушать, что услышу,
говорить, чтобы мне говорили:

- Вот, я ждал тебя — и дождался;
знал всегда — и теперь узнаю.
Разве я что забуду? —

Каждый хочет, чтоб его узнали:
птицы бы к нему слетались,
умершие вставали живыми,
звери зверят приводили,

и медленно катилось время,
как молния в раннем детстве.

1981

Старые песни

Третья

тетрадь

*Памяти бабушки
Дары Семеновны Седаковой*

1.

Пойдем, пойдем, моя радость,
пойдем с тобой по нашему саду,
поглядим, что сделалось на свете!

Подай ты мне, голубчик, руку,
принеси мою старую клюшку.
Пойдем, а то лето проходит.

Ничего, что я лежу в могиле, —
чего человек не забудет!
Из сада видно мелкую реку,
в реке видно каждую рыбу.

Что же я такое сотворила,
что свеча моя горит неясно,
мигает, как глаза больные,
бессонные тусклые очи? —

Вспомню — много; забуду — еще больше.

Не хочу ни забывать, ни помнить.

Ах, много я на людей смотрела

и знаю странные вещи:

знаю, что душа — младенец,

младенец до последнего часа.

всему, всему она верит

и спит в разбойничьем вертепе.

Женская доля — это прялка,
как на старых надгробьях,
и зимняя ночь без рассказов.
Росла сиротой, старела вдовой,
потом сама себе постыла.

Падала с неба золотая нитка,
падала, земли не достала.
Что же так сердце ноет?
Из глубины океана
выплывала чудесная рыба,
несла она жемчужный перстень,
до берега не доплыла.
Что в груди как вьюга воет?

Крикнуть бы — нечем крикнуть,
как жалко прекрасную землю!

Кто родится в черный понедельник,
тот уже о счастье не думай:
хорошо, если так обойдется
под твоей пропащей звездой.

Родилась я в черный понедельник
между Рождеством и Крещеньем,
когда ходит старая стужа,
как медведь на липовой ходуле:
- Кто там, дескать, варит мое мясо,
кто мою шерсть прядет-мотает? —
и мигали мелкие звезды,
одна другой неизвестней.

И мне снилось, как меня любили,
и ни в чем мне не было отказа,
гребнем золотым чесали косы,
на серебряных санках возили
и читали из таинственной книги
слова, какие я забыла.

Как из глубокого колодца
или со звезды далекой
смотрит бабушка из каждой вещи:

- Ничего, ничего мы не знаем.
Что видели — сказать не можем.
Ходим, как две побирушки.
Не дадут — и на том спасибо.
Про других мы ничего не знаем.

Были бы мастера на свете,
выстроили бы часовню
над нашим целебным колодцем
вместо той, какую здесь взорвали...

Было бы у меня усердье,
шила бы я тебе покровы:
или Николая Чудотворца,
или кого захочешь...

Подсказал бы мне ангел слово,
милое, как вечерние звезды,
дорогое для ума и слуха,
все бы его повторяли
и знали бы твою надежду... —

Ничего не надобно умершим,
ни дома, ни платья, ни слуха.
Ничего им от нас не надо.
Ничего, кроме всего на свете.

По дороге длинной, по дороге пыльной
шла я и горевала —
знаешь, как люди горюют?
Когда камень поплывет, как рыба,
тогда, говорю, и будет
для души моей жизнь и прощенье.

Поплывет себе камень, как лодка,
легкая при попутном ветре,
расправляя золотые ветрильца,
пестрые крапивницыны крылья,
золотыми веслами мелькая,
по дальнему шумному морю.
И что было, того не будет.
Будет то, чего лучше не бывает.

Ты гори, невидимое пламя,
Ничего мне другого не нужно.
Все другое у меня отнимут.
Не отнимут, так добром попросят.
Не попросят, так сама я брошу,
потому что скучно и страшно.

Как звезда, глядящая на ясли,
или в чаше малая сторожка,
на цепях почерневших качаясь,
ты гори, невидимое пламя.

Ты лампада, слезы твое масло,
жестокое сердца сомненье,
улыбка того, кто уходит.

Ты гори, передавай известье
Спасителю, небесному Богу,
что Его на земле еще помнят,
не всё еще забыли.

9. (Молитва)

Обогрей, Господь, Твоих любимых —
сирот, больных, погорельцев.

Сделай за того, кто не может,
все, что ему велели.

И умершим, Господи, умершим —
пусть грехи их вспыхнут, как солома,
сгорят и следа не оставят
ни в могиле, ни в высоком небе.

Ты — Господь чудес и обещаний.
Пусть все, что не чудо, сгорает.

1982, Азаровка.

Посвящение

Помни, говорю я, помни,
помни, говорю и плачу:
все покинет, все переменится
и сама надежда убивает.

Океан не впадает в реку;
Река не возвращается к истокам;
Время никого не пощадило —

но я люблю тебя, как будто
все это было и бывает.

1985

Содержание

Китайское путешествие

5

Стелы и надписи

25

Старые песни

Первая
тетрадь

35

Вторая
тетрадь

47

Стихотворения
из второй тетради,
не нашедшие себе
в ней места

61

Третья
тетрадь

67

Ольга Седакова

Китайское путешествие

Стелы и надписи

Старые песни

Москва

"Carte Blanche"

Цена 4 рубля.

Тираж 20 000 экз.

Типография

им.

Воровского

Типография

Министерства

культуры.

1990

